

История и современность в исторических трагедиях Екатерины II

История всегда была для Екатерины II государственной наукой. В своих драматических произведениях императрица стремилась воплотить образ идеального правителя, показать исконность и необходимость самодержавной власти в России и ее цивилизаторскую миссию. Затрагивала она и болезненную для нее проблему престолонаследия – но в трагедиях, в отличие от реальности, она разрешалась без крови.

Ключевые слова: Екатерина II, власть, абсолютизм, история, историческая трагедия, Рюрик.

Названные в заглавии произведения написаны в 1786 г., накануне 25-летия царствования – в это время Екатерина уже имела право подводить, пусть и не окончательный, итог своего правления. Несомненна и их связь с собственно историческими трудами императрицы и внедрением преподавания истории в школе в ходе школьной реформы. В предисловии к «Олегу» она прямо говорила об истинности описанных событий и ссылалась на свои «Записки касательно Российской истории», доведенные до последней четверти XIII в.

Для Екатерины история всегда была государственной наукой: она твердо придерживалась ею же самой сформулированного принципа исторических исследований: они «не могут иметь другого вида и цели, кроме прославления государства». И считала первостепенной задачей оградить юношество от неверных трактовок, содержащихся в хорошо известных в России многотомных «Историях России» французских историков-любителей П.-Ш. Левека и Н.-Г. Леклерка, в которых «каждый лист свидетельством служит,

с какою ненавистью писан, каждое обстоятельство в превратном виде не токмо представлено, но к оным не стыдились прибавить злобные толки». В письме к многолетнему и верному корреспонденту барону Мельхиору Гримму государыня выражалась еще проще: «оба скоты и, не прогневайтесь, скоты скучные и гнусные»¹.

С литературой и театром было сложнее. На сцене российским зрителям не раз представлялись картины заговоров против жестоких монархов («Подложный Смердий» А.А. Ржевского, «Дмитрий Самозванец» А.П. Сумарокова, «Борислав» М.М. Хераскова, «Рослав» П.А. Плавильщикова), которые заканчивались тем, что «народ поспешно выбегает на театр с обнаженными кинжалами, предшествуют ему начальники». Разумеется, речь в названных сочинениях шла о царях-тиранах, к которым императрица себя причислить не могла. Ей приходилось разрешать к постановке сюжеты, на которые предупредительно обращала внимание цензура – как трагедию Я.Б. Княжнина «Владимир и Ярополк», где некий придворный утверждал: если царь «исступит из границ своих священных прав, / Тогда вельможей долг вернуть его в пределы»².

Основное место в трагедиях Екатерины, как и в первом официальном школьном учебнике («Краткая российская история». СПб., 1799), было отведено истории государства в лице его верховных правителей. В учебнике говорилось о «вольности» средневекового Новгорода, хоть она и представлялась аномалией русской истории; «несогласия» постоянно «ввергали в междоусобия» его население. Таким же чуждым явлением выглядели и ведущие «распутное жите» на окраинах вольные казаки.

В драмах императрицы власть в Древней Руси мыслилась повсюду и изначально самодержавной и наследственной монархией: «Россия по наследству досталась» сыну Рюрика («Начальное правление Олега»). Там имелись «государь» и его «верноподданные», и новгородцы «приобыкли повиноваться роду славянских князей». Восставший же против Рюрика Вадим – никакой не республиканец, а князь-родня, почему и сам претендовал на верховную власть («Из жизни Рюрика»).

Коронованный автор подчеркивала преемственность власти московских государей – ее Олег предстает цивилизатором и основателем русских городов; он же закладывает Москву и предсказывает ее расцвет. Но Русь в то же время есть и европейская страна: до прибытия к отечественным берегам Рюрик стал известен в Европе – он славный воин, брал штурмом Нант, Бордо, Орлеан, Тур и стоял под стенами Парижа («Из жизни Рюрика»). Олегу его приближенные докладывают новости о делах во Франции и Италии,

а в Константинополе князь приобщается к античности в виде стихов Эврипида и «древних греческих игр», которые устраиваются в его честь («Начальное правление Олега»).

Оба правителя под пером Екатерины выглядят идеальными правителями. Они храбрые и мудрые воины, охотно общаются с подданными («доступ не труден»), терпеливы к людской молве («сносит людское поношение терпеливо»), понимают тех, кем управляют: «когда приказание сходственно с общею и частною выгодою, тогда своеволие и непослушание исчезают» («Из жизни Рюрика»). Князь Олег милостив – он не берет еду ради голодных осажденных горожан Константинополя и строго соблюдает договор – вступает в город строго по его статье: в его свите не более 50 человек. Даже на диковатых берегах Днепра он действует по закону – и волей автора «сменяет», а вовсе не убивает в Киеве воеводу Аскольда («Начальное правление Олега»). Рюрик же милует поверженного Вадима («Из жизни Рюрика»). Наконец, язычник Олег чуток к новациям: он осуждает принятие христианства Аскольдом, но обращает внимание, что «умы к тому наклонны» («Начальное правление Олега»).

Но и древность и современность не давала возможности обойти проблему легитимности и законности престолонаследия, которая не могла не волновать императрицу. Неслучайно и в «Записках», и в исторических драмах она подчеркивала: Рюрик не избранный монарх, он получил престол по воле-распоряжению князя Гостомысла как его родственник, хотя и по женской линии – т. е. заставляет легендарного Гостомысла действовать по закону о престолонаследии Петра I 1722 г. Но при этом законе все родственники имеют право на престол, и обиженные неизбежны. Честолюбец-бунтовщик Вадим, как и Рюрик, является внуком Гостомысла и владельческим князем, получившим «собственные славянские маестности» деда; но предпочтением Рюрика он возмущен: «Угнетается право мое» («Из жизни Рюрика»).

В драме можно обойтись без крови, и Вадим сдается. Реальность российской «эпохи дворцовых переворотов» и собственного «восхождения» на престол Екатерины была более мрачной. Не сложились и отношения с собственным сыном-наследником. В жизни императрица сделала, по крайней мере, три проекта закона о престолонаследии, датируемых 1767–1768, 1785 и 1787 гг.³ Во всех вариантах предусматривалось наследие по прямой нисходящей мужской линии, хотя не исключалось и «женское правление» при отсутствии наследников-мужчин. В тексте «Наказа Сенату» 1787 г. появился и был тщательно «прописан» пункт об отрешении закон-

ного наследника в случае возможного «бунта» или «буде доказано, что при жизни и. в. стремился всходить на престол». Екатерина одобряла петровский закон 1722 г. об отрешении «своего отродия» и даже считала возможным определение наследника (из числа «ближних по крови») Сенатом в случае, если это не было сделано царствовавшим императором при жизни⁴.

Однако изменить чреватый очередной дворцовой «революцией» порядок она не рискнула. Закон не был обнародован. Существует версия о намерении Екатерины в соответствии с законом о 1722 г. передать корону внуку Александру, минуя Павла. Но и такой вариант передачи престола внуку не состоялся, если даже подобный план и имел место⁵. Так в очередной раз (после Петра I и Елизаветы) в российской истории возникла неурегулированная коллизия отношений государя и взрослого наследника, которую решить Екатерина не смогла или не считала это осуществимым.

Неопределенность в важнейшем для монархии вопросе имела и еще одну опасность: неизбежно давление на самодержца, борьба за влияние на него со стороны придворных «партий». Вот и в драме Вадима подзуживают «старейшины славян»: при Рюрике «доверенность» будет у пришлых варягов-моряков, а не у славянской «пехоты». Благородный Рюрик не только прощает безусловно виновного Вадима, но берет его на службу и посылает на границу воевать с хазарами. А его наследник Игорь – слаб, окружен завистливыми и корыстными советниками. «Все между собой в ссоре, в несогласии... Одни других мне обносят непрестанно», – жалуется князь, но попадает под влияние «ласкателей» и в результате отправляется в роковой поход на древлян «с самой малой силой». Древляне уже, по мысли автора, были готовы покориться и молили только об уменьшении наложенной на них чрезвычайной дани; но подстрекаемый советниками князь боялся, что его сочтут слабым правителем («Игорь»)⁶. Такая интерпретация летописного сюжета намекала на судьбу другого, столь же слабого и неразумного монарха – Петра III. Возможно, поэтому трагедия так и осталась неоконченной.

Придворные Екатерины еще помнили «страх от бояр во время Елизаветы Петровны». Но умелая политика императрицы обеспечила дворянству широкое поле для деятельности: в победоносных войнах, службе в новых учреждениях; наконец – в развитии своих «дворянских гнезд». Императрица, вероятно, это понимала и на опасения фаворита (Г.Г. Орлова), «не клонится ли сие к упадку империи...» отвечала, что из клеву выпущенные телята скачут и прыгают, случатся и ногу сломят, но после перестанут, и таким обра-

зом все войдет в порядок». Она же в разговоре о «страхе от бояр» уверенно полагала: «У всех ножей притуплены концы и колоть не могут»⁷ – и в «Игоре» мудрый Асмунд дает совет Игорю по поводу «обнесения» – не верить без доказательств; «тем самым у всех ножей ступишь концов, и буде кто кого толкнет, то уже не поранят».

Здесь императрица действовала в соответствии с советом. В ходе реформ она сумела осуществить перераспределение власти в рамках прежней государственной системы, т. е. передать значительную часть полномочий центральных органов на места. В то же время дворянские сословные органы интегрировались в систему управления, что препятствовало образованию какой бы то ни было оппозиции⁸.

Создание социального «лифта» – в армии с победными войнами и новых учреждениях позволило власти устранить излишнее напряжение в самой системе власти, устранить давление всех страт дворянского сословия на «верхи», где до того сосредотачивались и решались интересующие их вопросы. Все это обеспечило не имевшей прав на престол Екатерине долгое и спокойное царствование. После ряда гвардейских «замешательств» первых лет правления мы не видим в 70–90-е гг. ни одной сколько-нибудь серьезной попытки овладеть престолом, несмотря на наличие недовольного и законного претендента Павла.

Нарождавшиеся оппозиционные настроения (критика в адрес конкретных лиц и решений, недовольство придворным раболепием и фаворитизмом) высказывались только «на уровне индивидуального сознания и практически не проявились в реальных поступках, стиле поведения личности», тем более что царствующая особа обладала в глазах дворян своего рода «презумпцией невинности»⁹.

Примечания

- ¹ Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 88.
- ² См.: *Бочкарев В.А.* Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 129, 173, 207; *Дризен Н.В.* Материалы к истории русского театра. М., 1913. С. 103–105.
- ³ О законопроектах по вопросу престолонаследия см.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в.: опыт целостного анализа. М., 1999. С. 415, 454–456. Екатерина напряженно размышляла над проблемой престолонаследия, о чем свидетельствуют ее заметки (при изучении трудов английского

- юриста Блэкстона) о переходе короны к «полукровке» (см.: *Кологривов С.* Новонайденный труд Екатерины Великой // *Русский архив.* 1908. № 6. С. 172).
- ⁴ См.: *Шилддер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 1. С. 101; *Омельченко О.А.* К проблеме правовых форм российской абсолютной монархии второй половины XVIII в. // *Проблемы истории абсолютизма.* М., 1983. С. 51–52. Как раз в августе 1787 г. Екатерина изучала «Правду воли монаршей» Феофана Прокоповича и приказала подобрать ей «указы о наследниках, к престолу назначенных со времен Екатерины I» (см.: *Храповицкий А.В.* Памятные записки. М., 1990. С. 37–38.).
- ⁵ См.: *Омельченко О.А.* Власть и закон в России XVIII века: Исследования и очерки. М., 2004. С. 341–351. О судьбе так называемого завещания Екатерины см.: *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...»: вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 419–426. Сводку известий о проблеме престолонаследия см.: *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2000. С. 203–207, 266–272.
- ⁶ См.: *Екатерина II.* Сочинения. СПб., 1901. Т. 3. С. 409–410, 432.
- ⁷ Цит. по: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С. 135, 12. «Боярами» Екатерина и ее статс-секретарь называли сенаторов (Там же. С. 167).
- ⁸ См.: Власть и реформы... С. 180; *Каменский А.Б.* Указ. соч. С. 430; *Павлова-Сильванская М.П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.).* М., 1964. С. 467–469.
- ⁹ См.: *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. С. 143–144, 238.